

УДК 321.6

*В.С. Воронцов***ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ В СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Исследуются формирование и трансформация элитных групп в СССР. Теория элит позволяет расширить представления о причинах кризиса начала и конца XX столетия, затронувшего все сферы жизнедеятельности российского общества. Анализ этнополитической ситуации, сложившейся накануне распада страны, свидетельствует о том, что это было не только столкновение «верхов» и «низов», элиты и контрэлиты, но и противостояние внутри самих элит и контрэлит, учитывая их разные идеологические установки и этнонациональную составляющую. В отличие от дореволюционной России в советском обществе элитные группы пополнялись в процессе «вертикальной мобильности» за счет всех слоев многонационального населения. Это наглядно подтверждают приведенные статистические данные о национальной принадлежности руководства страны и национальном составе правящей коммунистической партии. Многонациональная Коммунистическая партия Советского Союза являлась своеобразной скрепой общества, и так же, как в 1917 г. с падением монархии, распалась империя, так в начале 1990-х гг. достаточно было ликвидировать монопольное положение КПСС, чтобы в союзных республиках усилились центробежные тенденции и обострились межнациональные отношения. Доверие к союзному центру, как верховному арбитру и гаранту целостности страны, оказалось подорванным. Наряду с социально-экономическими, политическими, международными, национальными факторами решающее значение в распаде СССР сыграли перерождение и предательство правящего класса страны.

Ключевые слова: теория элит, национальные элиты, нациестроительство, КПСС, социальная мобильность, номенклатура, национализм, распад государства.

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-2-201-213

Введение

Российское государство пережило в XX веке два распада со всеми вытекающими негативными последствиями – хаосом, вооруженными столкновениями, масштабными территориальными и экономическими потерями, гуманитарными катастрофами и человеческими трагедиями. Наряду с политическими, социально-экономическими, национальными и иными проблемами разрушение страны было связано с ухудшением «качества» управленческой элиты, её перерождением, желанием работать только на саму себя в ущерб государству и обществу. В то же время многие российские и зарубежные историки и политологи утверждают, что распад Советского Союза был неизбежен. Они называют СССР империей, в которой проводилась политика притеснения национальных меньшинств, ущемления их национальных культур и языков, ограбления национальных окраин. При этом осуществляли управление страной в основном якобы представители русской имперской нации. В условиях обострения международной обстановки, ведения со стороны ряда государств так называемой гибридной войны подобные заявления становятся питательной средой для разного рода русофобских измышлений, формируют недоверие между странами и народами.

В статье анализируется советская национальная политика, рассматриваются принципы создания советского многонационального государства и формирования партийно-государственной элиты в СССР, выявляются основные причины распада страны¹.

Теория элит о причинах кризисов российского государства в XX веке

Теория элит была создана в конце XIX – начале XX столетия итальянскими учеными Вильфредо Парето и Гаэтано Моска во многом как альтернатива классово-теории Карла Маркса. Для Парето и Моска властная структура любого общества детерминировала все остальные процессы подобно тому,

¹ Статья является частью раздела неопубликованной российско-украинской коллективной монографии (2007 год). Украинские коллеги не согласились с позицией автора об СССР как о многонациональном государстве, в котором защищались права и интересы всех народов, входящих в его состав. Что в ходе масштабных трансформаций 1920–1930-х гг. через разные испытания прошли все народы Советского Союза. Что победа в Великой Отечественной войне была бы невозможна без единения советского народа и консолидации власти и общества.

как для Маркса экономическая структура определяла направление общественного развития. Маркс выводил власть из экономического господства, которое для него означало собственность на средства производства. В свою очередь, Парето и Моска считали, что основная борьба происходит между правящей политической элитой и конкурирующими элитами (контрэлитами), стремящимися прийти к власти. Таким образом, вместо классового конфликта эксплуататоров и эксплуатируемых элитисты предложили модель общества, движимого конфликтом между конкурирующими элитами.

В работе «Правящий класс» Моска писал: «Во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизации и кончая современными передовыми и мощными обществами, всегда возникают два класса людей: класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть, в то время как другой, более многочисленный класс, управляется и контролируется первым» [10. С. 187].

По мнению элитистов, принцип выдвижения правящего класса является универсальным принципом человеческой истории. Деление общества на элиту и массы неизбежно вследствие изначально-го неравенства людей (различные психологические характеристики, здоровье, интеллект и др.). Кого же относят к элите?

По Парето, элита – это совокупность лиц, имеющих наивысшие индексы (достижения. – В.В.) в своих профессиональных сферах деятельности. Он полагал, что своя элита имеется не только во властных структурах, но и любой другой профессиональной деятельности (например, элита юристов, элита воров, элита шахматистов и т. д.). В самом общем виде властную элиту можно определить как привилегированные высшие социальные слои общества, обладающие атрибутами власти и влияния, богатства и престижа; сосредоточившие в своих руках важнейшие командные позиции в крупных корпорациях, политических, государственных институтах и в армии [18. С. 423]. Впоследствии теория элит получила свое дальнейшее развитие в трудах Р. Михельса, Х. Лассуэлла, К. Мангейма, С. Келлер, Ч. Миллза, Т. Ботомора, М. Джиласа и др. исследователей.

Российский элитолог О. Крыштановская попыталась «сблизить» марксистскую теорию с теорией элитистов, имея в виду тот бесспорный факт, что экономическая и политическая составляющие общественного бытия существуют всегда и везде и они тесно связаны друг с другом. При этом в различные периоды развития человеческой цивилизации экономический фактор может превалировать над политическим, и наоборот. Необходимо также учитывать наличие разных типов общества и разных способов производства, а отсюда и различных вариантов модернизации. Например, для западного общества доминирующими являются экономический фактор и рациональность, а в восточных обществах превалируют политический фактор и патримониализм.

В модернизирующемся обществе западного типа (по Крыштановской – *экономическое общество*) политические изменения были простимулированы классом собственников, власть формировали те, кто имел капитал. В обществе другого типа (по Крыштановской – *политическое общество*) экономические акторы не играли существенной социальной роли. Главным видом капитала в таком обществе был политический капитал, который приносил доход и гарантировал сохранение богатства. В таком обществе власть имущие, а не собственники экономического капитала определяли приоритеты экономического развития. Политика стимулировала экономику, а не наоборот, такой тип общественного развития О. Крыштановская назвала *стимулирующей*.

Россия, по мнению О. Крыштановской, – «пример общества, которое, подобно маятнику, колеблется между этими двумя путями развития цивилизации». Общество, в котором длительные периоды «политической стимуляции» сменяются относительно короткими периодами «экономической модернизации». Причем после «экономических периодов», когда государство ослабляло свой контроль над экономикой и в стране появлялся относительно независимый от власти класс собственников, наступали периоды жестких авторитарных режимов. Чем дальше заходил процесс «экономизации» и укреплялся класс собственников, тем сильнее была реакция, призванная восстановить порядок и государственность. Так, последствием экономического развития и укрепления российской буржуазии конца XIX в. были революции 1905–1907 и 1917 гг.; последствием НЭПа – сталинский тоталитаризм; последствием либерального «экономизма» 1990-х гг. – приход к власти военных («силовики») и реставрация моноцентрического устройства государства [6. С. 37-41, 372-376].

Концепция, предложенная О. Крыштановской, безусловно, интересна, но требует, на наш взгляд, дальнейшей проработки и дополнительных доказательств, особенно учитывая многонациональный характер российского государства и полиэтничность его правящего класса. Возможно, колебания между «двумя путями развития цивилизации» («западным» и «азиатским»). – В.В.) в своей со-

вокупности есть не колебания, а свой российский путь развития. Уместно вспомнить высказывание русского мыслителя Петра Чаадаева: «...Мы не Запад. Россия не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы... И не говорите, что мы молоды, что мы отстали от других народов, что мы нагоним их. Нет, мы столь же мало представляем собой XVI или XV век Европы, сколь и XIX век. Возьмите любую эпоху в истории западных народов..., и вы увидите, что у нас другое начало цивилизации. Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое... Тогда мы пойдем вперед» [4. С. 27].

Тем не менее идеи О. Крыштановской позволяют расширить наши представления о причинах кризиса начала и конца XX столетия, затронувшего буквально все сферы жизнедеятельности российского общества, понять глубину и масштабность возникшего конфликта. На самом деле это было не только столкновение «верхов» и «низов», эксплуататоров и эксплуатируемых, элиты и контрэлиты, но и противостояние внутри самих элит и контрэлит, учитывая их идеологические установки и этнонациональную составляющую. В совокупности это привело к утрате *веры* в существующую власть и государство со стороны большинства населения, в том числе ее элитных слоев.

Крах Российской империи и распад государства

Февральская Революция отразила все существовавшие в Российской империи социально-экономические, политические и национальные противоречия, но прежде всего она стала протестом против тягот и лишений войны с ее тяжелейшими человеческими жертвами, дороговизной, перебоями с топливом и продовольствием, безысходностью. Революция нанесла сокрушительный удар по самодержавию; и как только монархия была ликвидирована – империя распалась. В период революции и Гражданской войны национальный фактор действовал в сложном переплетении со многими другими важнейшими факторами (социальными, экономическими, политическими, военными и др.) и в зависимости от конкретной ситуации мог выйти и на первый план.

В августе 1917 г. в одном из харьковских журналов была напечатана статья, автор которой предупреждал своих современников: «Русской демократии необходимо принять все меры, дабы Россия не превратилась в ряд самостоятельных, независимых, мелких национальных государств, в шахматную доску различных республик, со средневековой замкнутостью, с таможенными рогатками, с особыми войсками и т. п. ... Следствием такого распада единого демоса будут: *неустойчивость образа правления в мелких государствах, отсутствие политической и экономической мощи этих государств, постоянные споры и раздоры с соседями, развитие, с одной стороны, национального шовинизма, а с другой – анархических течений мысли в массах* (выделено мной. – В.В.). Да минует нас чаша сия» [11. С. 212-213]. К сожалению, не миновала.

На огромных пространствах бывшей Российской империи возник ряд национальных правительств: Центральная рада в Киеве, Белорусская рада в Минске, национальные советы в Прибалтике, «Сфатул Цэрий» в Бессарабии, национальные республики в Азербайджане, Армении и Грузии, Горская республика и Северо-Кавказское эмирство на Кавказе, Туркестанская, Башкирская и Алашская автономии и т. д.² Напомним, что Польша и Финляндия заявили о своей независимости, и Советская власть признала их самостоятельность. В ходе начавшейся Гражданской войны противостоящие друг другу силы на практике проверяли различные варианты социального и национально-государственного обустройства страны. И преимущество в этой войне получала политическая сила, которая учитывала два важнейших для России вопроса – аграрный и национальный – и предлагала приемлемые для большинства населения страны варианты их решения. Такой силой оказались большевики и советская власть.

Советская национальная политика: достижения и просчеты

Советская власть сразу после Октябрьской революции продекларировала в качестве одного из важнейших принципов национальной политики достижение реального равноправия всех народов России. Для его реализации необходимо было не только устранить дискриминацию по социальным, национальным, религиозным, культурным, языковым признакам, но и предоставить национальным меньшинствам ряд дополнительных прав (право на автономию, право на представительство в органах власти, право на образование на родном языке, право на самостоятельное решение вопросов экономического, социального и культурного характера и др.).

² В годы Гражданской войны на территории бывшей Российской империи насчитывалось до 70 государственных образований, причем некоторые из них просуществовали совсем недолго.

В условиях распада и хаоса революции и Гражданской войны, разорвавших Российскую империю на части, советская власть нашла формулу государственности, которая позволила на время нейтрализовать, «приручить» этнонационализм. Эта формула заключалась в том, что народам было предложено собраться в единое государство на основе совместного общежития, «национального по форме, социалистического по содержанию». В рамках единого социалистического государства народы России получили право на поэтапное создание национальной государственности в форме национального округа, автономной области, автономной и союзной республик. Новой власти удалось «пересобрать империю на новых основаниях» [3. С. 396].

Для национальных элит, которые ощутили «вкус власти» после распада единого государства, наверное, этого было мало. Но это было гораздо больше, чем имели народы в составе Российской империи, и того, что им обещали антибольшевистские правительства. В ходе Гражданской войны и последующих социальных преобразований сложившиеся национальные элиты (в Украине, Белоруссии, Закавказье, Поволжье и др.) были устранены либо нейтрализованы, и модернизация экономики и общества была проведена по иной, некапиталистической схеме.

После свержения самодержавия принцип сословного деления населения страны был отменен, а представители старых привилегированных слоев уравниены в правах с остальными гражданами³. Перед новой властью со всей остротой встала проблема подготовки и интеграции элитных этнических групп в состав общероссийского «нового правящего класса» (по терминологии М. Джиласа). В отличие от дореволюционной России в советском обществе элитные группы пополнялись в процессе «вертикальной мобильности» за счет всех слоев населения. Помимо функции управления, элитные группы были призваны продуцировать и распространять в широкие массы населения новую идеологию, новые образцы ценностей, норм поведения, духовной жизни.

Вместе с тем большевистские теоретики были убеждены, что в социалистическом государстве социальные причины национальных антагонизмов будут устранены, а значит, национальные проблемы разрешатся автоматически. Но так же как в экономике провалилась попытка перескочить одним прыжком из капитализма в социализм (политика «военного коммунизма»), так не удалось большевикам усилия по замене донационального устройства царской империи постнациональным, пролетарско-интернациональным устройством, то есть перескочить через стадию развития, которая связана с формированием наций и национального государства. Если нельзя «перескочить», значит, нужно взять процесс под жесткий, всеобъемлющий контроль партии, в данном случае в логике большевикам не откажешь.

Таким образом, своеобразный НЭП в национальной политике заключался, с одной стороны, в уступках «националам» («...лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить» [8. С. 360]), а с другой – в сознательном и жестком контроле партии над процессами нацистроительства («строительства социалистических наций и народностей»). Новая власть на первом этапе (1920 – начало 1930-х гг.) поощряла развитие национальных культур и рост национального самосознания нерусских народов как противовес русскому великодержавному шовинизму и необходимый этап на пути к «полному» интернационализму. Советская власть сознательно готовила и продвигала местные национальные кадры для руководства нерусскими республиками.

В отличие от царской России в СССР, помимо русификации, широко использовались модели «интернационализации» и «коренизации» представителей нерусских народов. Стратегия «интернационализации» пользовалась особой «популярностью» до середины 1920-х гг., пока сохранялись надежды на мировую революцию. После того как был взят курс на построение социализма в отдельно взятой стране, данная модель стала менее актуальной и, по сути, сомкнулась с русификацией. В 1924 г. началась кампания по коренизации; по планам правительства, она должна была осуществить «приспособление советского аппарата к быту населения». Необходимо было помочь отставшим в социально-экономическом, политическом и культурном плане нерусским народам:

«а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов;

б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения;

³ Более того, по Конституции РСФСР 1918 г. права избирать и быть избранными в Советы были лишены бывшие имущие слои (помещики, буржуазия, духовенство, кулачество и др.), так называемые «лишенцы».

в) развивать у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке;

г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления, и прежде всего в области просвещения» [1. С. 170].

В ходе национально-государственного строительства в союзных и автономных республиках выделялись округа, районы, волости и даже сельсоветы, компактно населенные народами, отличающимися от основного населения республики. Это обеспечивало наиболее полное выявление возможностей экономического, политического и культурного развития каждой национальности, наиболее благоприятные условия для подготовки национальных кадров. Считается, что именно в период 1920–1930-х гг. в стране усиленными темпами шло формирование партийно-политической элиты, в том числе из числа нерусских народов СССР⁴.

Элиту советского типа обычно называют *номенклатурой*. Номенклатура определяется как «правящий слой в социалистических странах, контролирующий все сферы социально-политической, экономической и культурной жизни. Номенклатура складывается и воспроизводится в результате системы назначения на ведущие посты на всех уровнях по решению партийного руководства» [18. С. 203]. При этом номенклатура – это одновременно и перечень высших государственных должностей, и персональный список людей, которые их занимают.

В номенклатурной системе наглядно проявилось всестороннее руководство страной и протекающими в ней процессами со стороны Коммунистической партии. Обычно первым шагом в партийно-политическую элиту страны было вступление в РКП(б) (ВКП(б) / КПСС), причем прием в партийные ряды представителей нерусских народов имел приоритетное значение.

С момента основания Российская коммунистическая партия была многонациональной по своему составу, однако ее национальный состав не отражал в полной мере национального состава страны. В 1922 г. численность РКП(б) составляла 375901 человек, членами партии были представители 109 национальностей. В том числе русских было 270409 человек (72 %), украинцев – 22078 (5,9 %), евреев – 19564 (5,2 %), латышей – 9512 (2,5 %), грузин – 7378 (1,9 %), татар – 6534 (1,7 %), поляков – 5649 (1,5 %), белорусов – 5534 (1,5 %), казахов – 4964 (1,3 %), армян – 3828 (1 %), немцев – 2217 (0,6 %), узбеков – 2043 (0,5 %), эстонцев – 1964 (0,5 %), осетин – 1699 (0,4 %), других – 12528 (3,3 %) [2. С.161].

Образование союзного государства (СССР) стимулировало рост национальных партийных организаций в республиках, к 1927 г. количество национальностей, имеющих своих представителей в ВКП(б), увеличилось до 135. За прошедшее пятилетие представительство русских в компартии уменьшилось с 72 до 66,7 %, евреев – с 5,2 до 4,9 %, латышей – с 2,5 до 1,5 %, грузин – с 1,9 до 1,3 %, поляков – с 1,5 до 1,2 %, казахов – с 1,3 до 1 %. За этот же период увеличилась доля украинцев – с 5,9 до 10,8 %, белорусов – с 1,5 до 3,2 %, татар – с 1 до 1,2 % [9. С. 273].

В свою очередь, политика коренизации позволила уже к 1930 г. увеличить численность национальных партийных организаций союзных и автономных республик за счет коммунистов титульной национальности. Доля членов ВКП(б) в парторганизациях соответствующих национальных республик распределялась следующим образом: украинцы – 52,3 %, белорусы – 55,5 %, азербайджанцы – 39,4 %, армяне – 89,1 %, грузины – 64,6 %, узбеки – 50,6 %, казахи – 43,4 %, татары – 35,3 %, башкиры – 17,6 %, удмурты – 21,1 % и т. д.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. тенденции «коренизации» советской номенклатуры были продолжены. По данным переписи, в 10 союзных республиках (без РСФСР) в 1939 г. было 619,2 тыс. руководящих работников, из них 346,9 тыс., или 56 %, принадлежали к лицам титульных национальностей этих республик. Пополнение номенклатуры представителями нерусских народов происходило не только по партийным, но и по связанным с ними административным каналам. Например, на Украине среди всего руководящего персонала украинцы составляли 59,6 %, в Армении армяне – 86,2 %, в Грузии грузины – 67,1 %, в Узбекистане узбеки – 51,9 %.

За межпереписной период (1926–1939 гг.) значительное пополнение получили национальные отряды профессиональных групп интеллигенции: из числа инженеров, зарегистрированных при переписи, в 10 союзных республиках 35,1 % принадлежали к лицам титульных национальностей этих республик.

⁴ Наряду и с ее частичным уничтожением в период «большого террора».

лик, из числа агрономов – 64,9 %, из числа врачей – 32,4 %, из числа научных работников и преподавателей вузов – 40,9 %, из числа учителей начальных и средних учебных заведений – 68,5 %, из числа работников искусств – 44,3 %, из числа писателей, журналистов, редакторов – 55,9 % [23. С. 12-13].

Обретение народами бывшей Российской империи национальной государственности, формирование и рост численности национальной интеллигенции, создание и развитие национальных языков, общий рост грамотности объективно вели к пробуждению чувства общности и росту национального самосознания нерусских народов. Например, за межпереписной период (1926–1939 гг.) число лиц с белорусским родным языком увеличилось на 35,6 %, армянским – на 30,4 %, таджикским – на 30,0 %, азербайджанским – на 28,9 %, грузинским – на 24,1 %, узбекским – на 19,7 % и т. д. [23. С. 7].

Однако наряду с положительными изменениями политика форсированной подготовки национальных управленческих кадров приводила к серьезным издержкам и изъятиям. Зачастую к власти допускались люди, выдвинутые по конъюнктурным соображениям, но которые ни духовно, ни профессионально еще не доросли до этого. Все это приводило к таким негативным явлениям, как клановость, местничество, национальная чванливость. По мнению ряда исследователей, именно этот процесс положил начало слиянию воедино политических и этнических элит и породил так называемую этнономенклатуру [22. С. 91].

Нельзя упускать из виду еще один отрицательный аспект национальной политики 1920-х гг., когда под предлогом борьбы с «великодержавным шовинизмом», как «главным» уклоном в партии, велась интенсивная кампания по вытеснению из исторической памяти всех символов дореволюционной России. Российская империя трактовалась исключительно как «тюрьма народов». Более того, вплоть до 1934 г. история была исключена как предмет из учебных планов школ. В этот же период в ряде национальных республик русское население подвергалось преследованию и репрессиям. Под надуманным предлогом «Ванька прет» на руководящие посты в местные органы власти назначались исключительно представители титульных народов, даже если русские там численно преобладали [13. С. 307-309].

Тем не менее сама логика идеи «социализма в отдельно взятой стране» привела к осознанию необходимости опоры на самый многочисленный в СССР русский народ, его патриотизм и национальные традиции.

«Поворот» в национальной политике и причины «большого террора»

Кардинальные изменения в национальной политике Советского государства начинаются в середине 1930-х гг. и связывают их с речью И.В. Сталина на XVII съезде ВКП(б). В своем докладе генсек дал понять своим соратникам, что, увлекшись борьбой с великорусским шовинизмом, партия забыла о втором уклоне – «местном национализме», который расцвел «махровым цветом» в ряде республик. Он утверждал, что «главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности» [20. С. 361-362].

На первый взгляд указание Сталина касалось незначительной проблемы, но на самом деле последовавшие трансформации затрагивали не только национальную политику, а носили более глобальный характер. Их суть точно подметил В.В. Кожин, он писал: «Поворот», начавшийся в середине 1930-х годов, был всецело закономерным явлением: после любой революции через некоторое время совершается *реставрация*, как бы восстановление утраченного прошлого, – правда, именно «как бы», поскольку реально восстановить прошлое невозможно, и дело идет, выражаясь точно, о восстановлении не прошлого, а *связи* с ним, о *продолжении* того ценного, что развивалось в прошлом» (курсив Кожина) [4. С. 64].

Говоря о «повороте», следует принять во внимание и внешнеполитический фактор. С приходом к власти в ряде европейских государств фашистских диктаторов в мире нарастала угроза масштабного военного столкновения. В сложившейся ситуации руководство страны решило сделать ставку в грядущей войне не на революционный интернационализм, как это было в годы гражданской войны, а на национально-патриотические чувства народов СССР. Для этого нужно было подвести соответствующую идеологическую базу и подготовить общественное сознание к восприятию столь существенных изменений.

В середине 1930-х гг. стали смещаться акценты и в освещении истории бывшей Российской империи. Огульное отрицание исторического прошлого России подверглось резкой критике. По прямому указанию И.В. Сталина были внесены кардинальные изменения в трактовку дореволюционной истории России, история как предмет была возвращена в учебные заведения. В новых учебниках ис-

тории утверждалась прогрессивность большинства территориальных завоеваний царской России, положительно стала оцениваться деятельность русских князей Александра Невского, Дмитрия Донского, полководцев царской армии Суворова, Кутузова, Ушакова и др. В прессе, художественной литературе, кинофильмах как выдающиеся государственные деятели предстали Иван Грозный и Петр I, в заслугу им ставилось создание сильной централизованной власти и расширение границ Российского государства. Высокую оценку получили российские достижения в культуре и науке (творчество Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Сурикова, Репина, Верещагина, Глинки, Рахманинова, Чайковского, открытия российских ученых Лобачевского, Менделеева, Лебедева и др.) [11. С. 309].

Таким образом, с помощью государственно-патриотической концепции, идеи преемственности лучших традиций предков восстанавливалась историческая связь России дореволюционной с Россией советской. И одновременно в это же время раскрывался маховик массовых репрессий. Существует точка зрения, что репрессии и партийные «чистки» 1930-х годов выросли из старых идейных споров, возникших между сталинистами (национал-большевиками) и оппозицией (большевиками-интернационалистами) после смерти В.И. Ленина. Непримируемая борьба шла между сторонниками Л.Д. Троцкого, которые считали, что невозможно построить социализм в отдельно взятой стране без победы мировой революции, и последователями И.В. Сталина, которые тоже верили в мировую революцию, но взяли курс на построение социализма сначала в одной стране (СССР). Для национал-большевиков первое социалистическое государство становилось высшей ценностью, которую необходимо было оберегать всеми возможными способами, даже ценой уничтожения своих бывших товарищей по партии. Вера большевиков в мировую революцию трансформируется в преданность первому в мире социалистическому государству [1. С. 256].

Вместе с тем в «большом терроре» причудливо переплелись самые разные факторы: борьба за власть «новой» элиты, сформировавшейся в период грандиозных экономических свершений, со старой «ленинской гвардией»; очищение от коррумпированных руководителей; зачистка потенциальной «пятой колонны» в преддверии большой войны; провокации зарубежных спецслужб; нейтрализация усилившихся национальных элит; реакция широких масс населения на глобальные изменения во всех сферах жизнедеятельности и др.

В ходе «большого террора» жертвами становились не только руководители партийных, советских, хозяйственных и военных структур, но и многие рядовые члены партии, деятели науки и культуры, инженеры, рабочие, колхозники. Пик, апогей репрессий пришелся на период 1937–1938 гг., согласно официальным данным в 1937 г. было приговорено к расстрелу 353 074 человек, в 1938 г. – 328 618 человек. За этот же период из ВКП(б) было исключено 216 тыс. человек. Историками подсчитано, что из 34 членов Политбюро, входивших в его состав в 1917–1939 гг., было репрессировано 17 человек (50 %); из 27 членов Секретариата ЦК – 15 (56 %); из 64 членов Оргбюро – 42 (66 %); из 71 члена ЦК – 49 (69 %); из 18 председателей и заместителей Председателя Совнаркома СССР – 10 (56 %) [1. С. 256, 292].

Массовые репрессии не могли не затронуть партийно-государственную элиту национальных республик. Помимо стандартных обвинений в заговорах, шпионаже, покушениях на высшее руководство страны, в отношении к этим категориям применялись обвинения в так называемом *национал-уклонизме*. Считается, что само понятие «уклонов в партии» принадлежит И.В. Сталину. Впервые тогда еще Нарком по делам национальностей дал определение национальным уклонам в тезисах «Об очередных задачах партии по национальному вопросу», подготовленных к X съезду РКП(б). В них отмечалось, что уклоны «от коммунизма», бывают, с одной стороны, к великодержавности, колониаторству, великорусскому шовинизму, а с другой – к буржуазному национализму.

К первому уклону ведет то, что «работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования державной нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной работе либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной национальности». Ко второму уклону приводит то, что «коммунисты из местного коренного населения, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне освободившиеся от призраков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с «общенациональными» интересами той же нации, не умея выделять первые из последних и строить на них партийную работу» [19. С. 27-28].

Первоначально национал-уклонизм не считался серьезным преступлением. В.И. Ленин характеризовал «уклон» следующим образом: «Уклон есть то, что можно исправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно... Это – подчеркивание того, что тут еще нет чего-либо окончательного, что дело – легко поправимое, – это желание предостеречь и поставить вопрос во всей полноте и принципиальности» [7. С. 101].

Впоследствии, по мере усиления внутривластной борьбы, в понятие «национал-уклонизм» стали вкладывать куда более серьезное содержание. Связывалось это с выдвинутой И.В. Сталиным концепцией «усиления классовой борьбы по мере приближения к социализму». По логике генсека получалось, что усиление классовой борьбы должно было находить отражение в партии в виде выступлений великорусских шовинистов по преимуществу в центре и в виде усиления уклона к буржуазному (местному) национализму в республиках. При этом «великодержавникам» приписывалось стремление к реставрации капитализма в СССР, а «буржуазным националистам» – смыкание с интервенционистами с целью расчленения СССР и восстановления эксплуататорского строя [20. С. 361-362].

В ходе «большого террора» обвинения в национал-уклонизме прозвучали в адрес многих партийных и государственных деятелей союзных и автономных республик. Подверглись репрессиям руководители Украинской ССР: секретари ЦК КП(б)У С.В. Косиор, М.М. Хатаевич, Н.Н. Попов, Председатель СНК УССР А.П. Любченко, нарком просвещения В.П. Затонский, члены ЦК КП(б)У В.И. Порайко, А.А. Хвилья (еще раньше, не выдержав травли, застрелился Н.А. Скрыпник) и др.

В Белорусской ССР за национал-уклонизм были арестованы секретарь ЦК КП(б)Б И.А. Василевич, руководители наркоматов Д.Ф. Прищепов, А.В. Балицкий, А.Ф. Адамович и др. Покончил жизнь самоубийством один из основателей республики Председатель ЦИК БССР А.Г. Червяков.

В Азербайджанской ССР были репрессированы секретарь ЦК Компартии Азербайджана Р.А. Ахундов, председатель СНК Азерб. ССР Г.П. Рахманов, Председатель Президиума Верховного Совета Азерб. ССР М.Б. Касумов и др. В Армянской ССР среди обвиненных в национал-уклонизме и национализме в разное время оказались: первый секретарь ЦК КП(б) Армении А.Г. Ханджян, Председатель СНК Армянской ССР С.М. Тер-Габриелян, секретарь ЦИК Армянской ССР Р.П. Даштоян и др. К высшей мере наказания были приговорены руководители Грузинской ССР, члены ЦК КП(б)Г П.Г. Мдивани, М.С. Окуджава, М.И. Кахиани. С. Чихладзе, М.Г. Торошелидзе, Г.З. Элиава и др.

Среди репрессированных в республиках Средней Азии оказались: первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана А.И. Икрамов, Председатель СНК Узбекской ССР Ф.Г. Ходжаев, Председатель ЦИК Казахской ССР У.Д. Кулумбетов, Председатель СНК Казахской ССР С.С. Сейфулин, Председатель СНК Киргизской ССР Ю.А. Абдрахманов, Председатель ЦИК Киргизской ССР А. Орозбеков, секретарь ЦК КП(б) Таджикской ССР У.А. Ашуров, Председатель ЦИК Таджикской ССР Н. Максум, Председатель СНК Таджикской ССР А.Р. Рахимбаев, Председатель СНК Туркменской ССР К.С. Атабаев, Председатель ЦИК республики Н. Айтаков, секретарь ЦК КП(б) Туркменистана А. Мухамедов и др. [12. С. 79-83].

В период «большого террора» репрессиям подверглись представители национальных элит фактически всех народов СССР – так режим пытался обезопасить себя и страну от реальных и потенциальных врагов в преддверии большой войны. Однако это не означает, что в стране произошла реставрация политики великодержавного (великорусского) шовинизма и совершился возврат к русской империи. Обратное доказывают не только жертвы, понесенные русским народом в 1930-е и последующие годы советской истории, но и сам факт позитивного развития нерусских народов. В данном случае мы не будем приводить подтверждающих цифр о социально-экономическом, культурном, образовательном (и т. д.) уровне народов СССР; интересующимся можно порекомендовать статистический сборник «Социальное развитие СССР», изданный незадолго до распада СССР [17. С. 416].

Гораздо важнее, на наш взгляд, проанализировать ту политическую силу, которая скрепляла многонациональную страну и без которой она в одночасье рассыпалась как карточный домик. Речь идет о Коммунистической партии Советского Союза и ее руководстве.

Национальный состав коммунистической партии и руководства СССР

По данным эпитолога О. Крыштановской, высшая номенклатура (Политбюро ЦК КПСС) включала в себя в разные периоды советской истории от 800 до 1800 человек. Номенклатура секретариата ЦК КПСС состояла из списка в 14–16 тысяч должностей. Учетно-контрольная номенклатура (отделы ЦК КПСС) включала 250 тысяч человек, остальную часть составляла номенклатура нижестоящих

партийных комитетов – обкомов, крайкомов, горкомов и т. п. Таким образом, общая численность политического класса в советское время составляла примерно 400 тыс. человек, или 0,1 % от общей численности населения страны [6. С. 17].

Как уже отмечалось, круг высшего политического руководства страны был весьма ограничен; так, за период 1919–1990 гг. в состав Политбюро (Президиума), Оргбюро и Секретариата ЦК партии входили 193 человека. Анализ биографических данных показал, что среди 193 руководителей высшего звена были представители 15 национальностей, из них 132 (68,4 %) русских, 17 (8,8 %) украинцев, 12 (6,2 %) евреев, 7 (3,6 %) латышей, 6 (3,1 %) белорусов, 5 (2,6 %) грузин, по 2 азербайджанца, армянина, немца, поляка, узбека и по одному болгарину, казаху, татарину, финну. Жизнь этих «вершителей судеб» была очень непростой: 46 человек были незаконно репрессированы; двое убиты в результате покушения (С.М. Киров, Л.Д. Троцкий); четверо покончили жизнь самоубийством (Я.Б. Гамарник, М.М. Каганович, Г.К. Орджоникидзе, М.П. Томский); трое расстреляны за нарушения социалистической законности (М.Д. Багиров, Л.П. Берия, Н.И. Ежов); один погиб в автомобильной катастрофе (П.М. Машеров); 78 человек умерли своей смертью (по состоянию на 1 июля 1990 г. 60 человек были еще живы) [16. С. 69-136].

Далее рассмотрим численность и национальный состав КПСС, так как именно из числа членов партии рекрутировались будущие руководители страны. На 1 января 1989 г. в КПСС состояло 19 487 822 человек (18 975 725 членов партии и 512 097 кандидатов), по социальному положению – 45,4 % рабочих, 11,4 % крестьян (колхозников) и 43,2 % служащих. Среди служащих почти каждый десятый коммунист (9,4 %) был руководителем организаций, учреждений, предприятий и т. п.; 41,3 % являлись инженерно-техническими работниками и специалистами сельского хозяйства; 23,8 % были представителями науки, просвещения, здравоохранения, литературы и искусства; 4,0 % – работниками торговли, общественного питания, снабжения и сбыта. Достаточно высоким был и образовательный уровень членов КПСС: высшее образование имели 34,3 % партийцев (1,9 % – незаконченное высшее), среднее – 45,1 %, неполное среднее – 12,1 % и начальное – 6,6 %. Более 258, 5 тыс. членов и кандидатов в члены партии имели ученую степень кандидата и 35 тыс. – доктора наук [5. С. 138-142].

Но для нас более показательными являются национальный состав коммунистов и его соотношение с общей численностью отдельных этнических групп населения страны (табл. 1).

Ядро КПСС по-прежнему состояло из русских, их численность составила 11,4 млн человек. За прошедшие десятилетия, несмотря на то, что доля русских в компартии постепенно снижалась, тем не менее к 1989 г. она все еще составляла более половины от всех членов партии (58,6 %). В это же время доля русского этноса в населении страны уже составляла лишь 50,8 %. На второй позиции были украинские коммунисты, их численность составляла 3,1 млн человек, или 16,07 % от численности КПСС. На третьем месте были белорусы – 753 тыс. членов партии или 3,86 % от общего числа коммунистов.

Таким образом, три восточнославянских народа (русские, украинцы и белорусы) составляли абсолютное большинство членов КПСС – 15 313 918 человек, или 78,58 %. Вместе с тем КПСС действительно была многонациональной партией, в ее рядах были представители более 100 национальностей, в том числе самых малочисленных. Например, ее членами были алеуты (42 члена партии), кеты (142), нганасаны (42), орочи (18) и др.

Из числа народов, чье представительство в КПСС было выше доли в населении страны (кроме русских, украинцев и белорусов), отметим грузин (в 1,2 раза) и евреев (в 2,2 раза). Доля коммунистов примерно совпадала или была чуть ниже доли в населении страны у армян, азербайджанцев, казахов, латышей, эстонцев и литовцев, среди молдаван она была ниже уже почти в 2 раза. Самое низкое представительство в КПСС было у народов республик Средней Азии: киргизов (ниже в 2,1 раза), узбеков (ниже в 2,3 раза), туркмен (ниже 2,4 раза) и таджиков (ниже в 3,2 раза).

Далее рассмотрим национальный состав трех республиканских парторганизаций (РСФСР, БССР и УССР). По данным Отдела партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС, численность коммунистов России на 1 января 1990 г. составила 10438,9 тыс. человек. Среди членов партии было 8690,3 тыс. русских (82,3 %), 478,4 украинцев (4,7 %), 318,0 тыс. татар (3,0 %), 117,1 тыс. белорусов (1,1 %), 100,7 тыс. евреев (1,0 %) и 834,3 тыс. представителей 125 других национальностей (8 %).

Парторганизация Белоруссии объединяла в своих рядах 697,6 тыс. человек, из них 496,8 тыс. белорусов (71,2 %), 133,2 тыс. русских (19,1 %), 31,2 тыс. украинцев (4,5 %) 17,2 тыс. поляков (2,5 %) и 19,2 тыс. представителей 82-х других национальностей (2,7 %).

Таблица 1

Национальный состав населения СССР и членов КПСС
(титульные национальности союзных республик)

Национальность	Численность лиц данной национальности (тыс. чел.)	%	Ранг	Численность членов КПСС (тыс. чел.)	%
Население СССР	285743	100	–	19488	100
Русские	145155	50,8	1	11428,5	58,64
Украинцы	44186	15,5	2	3132,4	16,07
Узбеки	16698	5,8	3	491,3	2,52
Белорусы	10036	3,5	4	753,0	3,86
Казахи	8136	2,8	5	408,7	2,10
Азербайджанцы	6770	2,4	6	366,6	1,88
Армяне	4623	1,6	7	292,8	1,50
Таджики	4215	1,5	8	92,4	0,47
Грузины	3981	1,4	9	337,2	1,73
Молдаване	3352	1,2	10	120,3	0,62
Литовцы	3067	1,1	11	156,4	0,80
Туркмены	2729	1,0	12	81,2	0,42
Киргизы	2529	0,9	13	84,2	0,43
Латыши	1459	0,5	14	80,5	0,41
Эстонцы	1027	0,4	15	61,8	0,32

Рассчитано автором. Источник: Национальный состав населения СССР. По данным ВПН 1989 г. М., 1991. С. 5-8; КПСС в цифрах // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 138-142.

Таблица 2

Национальный состав руководителей предприятий и организаций союзных республик
(на 1 января 1989 года)

Союзная республика и титульный этнос	Удельный вес лиц титульной национальности в числе руководителей (%)	Удельный вес лиц титульной национальности в общей численности населения данной республики (%)	Индекс участия в управлении*
РСФСР – русские	77,3	81,5	0,95
Украинская ССР – украинцы	79,0	72,7	1,09
Белорусская ССР – белорусы	77,7	77,9	1,0
Узбекская ССР – узбеки	67,6	71,4	0,95
Казахская ССР – казахи	39,5	39,7	0,99
Грузинская ССР – грузины	89,3	70,1	1,27
Азербайджанская ССР – азербайджанцы	93,8	82,7	1,13
Литовская ССР – литовцы	91,5	79,6	1,15
Молдавская ССР – молдаване	49,8	64,5	0,77
Латвийская ССР – латыши	63,1	52,0	1,20
Киргизская ССР – киргизы	55,1	52,4	1,05
Таджикская ССР – таджики	66,3	62,3	1,06
Армянская ССР – армяне	99,4	93,3	1,07
Туркменская ССР – туркмены	71,8	72,0	1,0
Эстонская ССР – эстонцы	82,2	61,5	1,34

* Индекс участия в управлении вычислен путем деления доли лиц титульной национальности в числе руководителей на долю лиц этой этнической группы в населении данной республики. Соответственно, чем больше численное значение индекса, тем выше степень участия в управлении.

Источник: Социальное развитие СССР. 1989. Статистический сборник. М., 1991. С. 63.

Численность коммунистов Украины на тот же период составила 3294 тыс. человек, членами партии были представители 108 национальностей. В республиканской парторганизации состояло 2215,4 тыс. украинцев (67,3 %), 894,4 тыс. русских (27,2 %), 59,9 тыс. евреев (1,8 %), 37,7 тыс. белорусов (1,1 %) и 86,5 тыс. представителей других национальностей (2,6 %).

Не менее показательны данные о национальном составе руководителей предприятий и организаций промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи и строительства союзных республик (табл. 2). Цифры беспристрастно свидетельствуют о том, что во всех союзных республиках, за исключением Молдавской ССР, в составе руководства в полной мере представлены лица титульных национальностей. Более того, удельный вес лиц титульной национальности среди руководителей предприятий и организаций Азербайджанской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР, Грузинской ССР, Эстонской ССР существенно превышал их удельный вес в общей численности населения указанных республик.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что в послевоенный период окончательно сформировались и укрепились элитные группы титульных народов союзных республик. Представители титульных народов союзных республик, расположенных в европейской части СССР, были достаточно полно представлены как в правящей коммунистической партии, так и среди партийно-государственной, хозяйственной и творческой элиты.

Заключение

Характеризуя в целом государственную политику в сфере национальных отношений, следует признать, что ей были присущи двойственность и противоречивость, зачастую разрыв между идейно-лозунгом и их реальным воплощением, между ожидаемыми и практическими результатами. В то же время советская национальная политика действительно претворила в жизнь право многих народов на определенные формы национальной государственности, десятки народов впервые стали обладателями своей письменности, развили национальную культуру, сформировали свою национальную интеллигенцию. Поэтому положение о расцвете национальных культур не было только лозунгом, оно имело реальное подтверждение. Более того, руководство страны санкционировало создание в союзных республиках всех атрибутов социалистических наций и государств: ЦК партии, Верховные Советы, Советы министров, Конституции, флаги, гербы, гимны. В каждой республике были открыты Академии наук, университеты, творческие союзы, национальные книгоиздательства, театры, филармонии, памятники национальным героям и пр. Во всех республиках, наряду с историей СССР, изучались своя национальная история и свой национальный язык.

Наш вывод заключается в том, что к концу 1980-х гг. в большинстве союзных республик фактически были завершены процессы нациестроительства, а значит, подготовлена почва для полной передачи власти местным национальным элитам, причем степень готовности к самостоятельному государственному существованию была значительно выше, чем во время распада Российской империи. Возможно, поэтому удалось избежать крупномасштабных военных конфликтов между возникшими «независимыми» государствами. Так же как в 1917 г. с падением монархии, распалась империя, в начале 1990-х гг. достаточно было ликвидировать монопольное положение КПСС, чтобы в союзных республиках усилились центробежные тенденции.

Начавшийся, при попустительстве союзного руководства и сознательной деятельности определенных политических сил, период «парада суверенитетов», взаимные экономические и территориальные претензии руководства национальных республик, упреки в иждивенчестве, «старые» и «новые» обиды до предела обострили межнациональные отношения в стране. Именно в этот период в общественное сознание и была вприснута инъекция радикального национализма. В этой связи уместно привести слова известного австрийского политолога К. Поппера о том, что мобилизация этничности – это «самый дешевый и надежный способ, с помощью которого может продвигаться политик, которому нечего больше предложить» [14. С. 357]. Санкционированная из союзного центра и подержанная национальными элитами борьба за передел «власти и собственности» привела в конечном итоге к целому ряду межнациональных столкновений с многочисленными человеческими жертвами и масштабными экономическими потерями. Доверие к союзному центру, как верховному арбитру и гаранту целостности страны, оказалось подорванным.

Однако надежды на сохранение государства, пусть без некоторых республик, все еще сохранялись. По решению IV съезда народных депутатов СССР 17 марта 1991 г. был проведен референдум,

на который был вынесен вопрос о необходимости сохранения союзного государства. Результаты референдума представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты референдума о сохранении СССР (17 марта 1991 г.), в %

	Число граждан, принявших участие в голосовании	Число граждан, ответивших «Да»
РСФСР	75,4	71,3
Украинская ССР	83,5	70,2
Узбекская ССР	95,4	93,7
Белорусская ССР	83,3	82,7
Казахская ССР	88,2	94,1
Азербайджанская ССР	75,1	93,3
Киргизская ССР	92,9	94,6
Таджикская ССР	94,4	96,2
Туркменская ССР	97,7	97,9

Источник: Сообщение Центральной комиссии об итогах референдума, состоявшегося 17 марта 1991 года // Известия. 1991. 27 марта.

Следует отметить, что в референдуме участвовало население 9 из 15 союзных республик, руководство 6 республик (Армения, Грузия, Молдавия, Латвия, Литва, Эстония) от участия в референдуме отказалось. Даже руководители Прибалтийских республик не рискнули узнать, каким будет «глас народа», хотя именно в этих республиках в наибольшей степени были сильны сепаратистские настроения. По большому счету в этом отказе проявилась неуверенность пришедших к власти этнократических режимов, опасения, что большинство населения республик может проголосовать за сохранение единого государства.

Тем не менее общие результаты референдума внушали оптимизм: в голосовании приняли участие 80 % избирателей от числа включенных в избирательные списки граждан, или 148,6 млн человек; из них за сохранение союза проголосовали 113,5 млн человек, или 76,4 %, против – 32,3 млн (21,7 %). Несмотря на то что большинство граждан страны высказалось за сохранение единого государства, события пошли по иному сценарию.

Не углубляясь в анализ причин распада СССР, отметим, что наряду с социально-экономическими, политическими, международными, этнонациональными факторами решающее значение в распаде страны сыграли перерождение и предательство правящего класса страны и пассивность почти 20 млн членов КПСС, которые, между прочим, давали клятву защищать «до последней капли крови» социализм и его оплот – СССР. По мнению В.В. Кожина, бездействие огромной «армии» членов партии можно объяснить «утратой веры в наличную власть, к которой они в конечном счете были причастны как члены «правлящей» партии» [4. С. 40].

Прошло 15 лет, прежде чем российская власть признала распад СССР крупнейшей геополитической катастрофой XX века [15].

В заключение отметим, что успешный ход модернизации (в социальной, экономической, политической, духовной областях общественной жизни) во многом определяется качественным потенциалом элиты, поскольку именно она осуществляет функцию целеполагания, т. е. задает цель и направление движения развития. К сожалению, анализ эффективности деятельности современной российской элиты показывает, что эта деятельность может быть признана как крайне неудовлетворительная. Закономерным явлением при этом является то, что характер отношений «элита–народ» сместился в сторону полной безответственности «верхов» перед «низами», вследствие чего растет их взаимное отчуждение и возрастает угроза социального взрыва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004. М., 2006.
2. Геллер М., Некрич А. История России 1917–1995. Т. 1. М., 1996.
3. Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М., 2007.
4. Кожин В.В. Победы и беды России. М., 2006.

5. КПСС в цифрах // Известия ЦК КПСС, 1989. № 2.
6. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2004.
7. Ленин В.И. Доклад о единстве в партии и анархо-синдикалистском уклоне // Полн. собр. соч. Т. 43.
8. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. Т. 45.
9. Мاستюгина Т.М., Перепелкин Л.С. Этнология. Народы России: история и современное положение. М., 1997.
10. Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10.
11. Национальная политика: история и современность. М., 1997.
12. О так называемом «национал-уклонизме» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.
13. Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т. 2. М., 1996.
14. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. М., 1992.
15. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 25.04.2005. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088/
16. Состав руководящих органов Центрального Комитета партии – Политбюро (Президиума), Оргбюро, Секретариата ЦК (1919–1990 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7.
17. Социальное развитие СССР. 1989. Статистический сборник. М., 1991.
18. Социологический энциклопедический словарь. М., 1998.
19. Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии // Соч. Т. 5. М., 1947.
20. Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Соч. Т. 13. М., 1951.
21. Тощенко Т.Ж. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М., 2003.
22. Шевяков А.А. Всесоюзная перепись населения 1939 года могла и не состояться... // Социологические исследования. 1993. № 5.

Поступила в редакцию 29.03.2019

Воронцов Владимир Степанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: vvorontsov@rambler.ru

V.S. Vorontsov

FORMATION, DEVELOPMENT AND TRANSFORMATION OF NATIONAL ELITES IN THE USSR AND THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-2-201-213

The article reveals the establishment and transformation of elite groups in the USSR. “The theory of elites” allows to expand our understanding of the crisis of the beginning and end of the 20th century, which affected all spheres of life in the Russian society. The analysis of the ethnopolitical situation right prior to the collapse of the country suggests that it was not only a clash between the “top” and the “bottom”, elites and counter-elites, but also a confrontation within the elites and counter-elites, considering their different ideological attitudes and the ethnonational component. In contrast to pre-revolutionary Russia, in Soviet society elite groups were replenished in the process of “vertical mobility” at the expense of all layers of the multi-ethnic population. This is evident by the statistics on the nationality of the country's leadership and the national composition of the ruling Communist Party. The multinational Communist Party of the Soviet Union was a strong uniting point for the society, and just as in 1917 the fall of monarchy triggered the collapse of the empire, in 1990s it was enough to abolish the monopoly of the Communist Party to trigger and intensify centrifugal tendencies and aggravate inter-ethnic relations. The credibility of the union center, as the supreme arbiter and the guarantor of the integrity of the country, was undermined. Along with socio-economic, political, international, and national factors, the decisive importance in the collapse of the USSR was played by the rebirth and betrayal of the ruling class of the country.

Keywords: elite theory, national elite, nation-building, Communist Party, social mobility, nomenclature, nationalism, state disintegration.

Received 29.03.2019

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior researcher
Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFIC Ural Branch RAS
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: vvorontsov@rambler.ru